

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-86-97

Ф.М. Фомичёв

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Политическая философия Освальда Шпенглера и идеология национал-социализма

Статья посвящена теме, приобретающей все большую актуальность на фоне возрастающего интереса к философии «консервативной революции» в целом и к наследию Освальда Шпенглера в частности. Автор анализирует отношения немецкого национал-консервативного мыслителя с нацистской властью, уделяя внимание как философско-политической стороне этих отношений, так и непосредственным контактам Шпенглера с представителями Третьего рейха. Подвергается критике устоявшаяся в отечественной историографии точка зрения на данную проблему, разводящая по разные стороны Шпенглера и нацистов. На примере работ и публичных речей мыслителя доказывается поспешность подобного вывода, указывая на более чем неоднозначную амбивалентность этих отношений. Излагаются аргументы в пользу того, что философия Шпенглера местами не просто совпадала с риторикой и политическими действиями нацистов, а претерпела достаточно существенную метаморфозу от умеренных национально-консервативных позиций до радикальных, крайне близких к нацизму взглядов. Высказывается предположение, что именно новый режим сжег все мосты в сотрудничестве со Шпенглером, а не наоборот. Автор статьи призывает

© Фомичёв Ф.М., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

как к дальнейшему изучению теоретического наследия выдающегося философа, так и к объективному исследованию его политической активности.

Ключевые слова: Германия, Веймарская республика, Третий рейх, Освальд Шпенглер, «консервативная революция», прусский социализм, национал-социализм

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Фомичев Ф.М. Политическая философия Освальда Шпенглера и идеология национал-социализма // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 4. С. 86–97. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-86-97

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-86-97

F.M. Fomichev

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Oswald Spengler's political philosophy and national-socialism ideology

The article is devoted to the topic that is becoming increasingly relevant on the background of increasing interest in the philosophy of the “conservative revolution” in general and in the legacy of Oswald Spengler in particular. In the article, the author analyzes the relationship of the German national-conservative thinker with the Nazi authorities paying attention to its both the philosophical and political side, and Spengler's direct contacts with the representatives of the Third Reich. The research also criticizes the well-established point of view in Russian historiography on this problem, which separates Oswald Spengler and the Nazis. Using the example of the thinker's works and public speeches, the author proves the haste of such a conclusion, pointing out more than ambiguous ambivalence of these relations. The article presents arguments in favor of the fact that the philosophy of Oswald Spengler not only coincided in places with the rhetoric and political actions of the Nazis, but also underwent a significant metamorphosis from moderate national conservative positions to radical views that are extremely close to Nazism. The author suggests that it was the new regime that first burned all the bridges in cooperation with Spengler, and not vice versa, calling for further study of both the theoretical legacy of the great philosopher and an objective study of his political activity.

Key words: Germany, Weimar Republic, Third Reich, Oswald Spengler, Prussian socialism, national socialism, "Conservative Revolution"

FOR CITATION: Fomichev F.M. Oswald Spengler's political philosophy and national-socialism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 86–97. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-86-97

Приход к власти национал-социалистов в Германии в 1933 г. представители «консервативной революции» восприняли по-разному. Некоторые из видных интеллектуалов по разным причинам стали «попутчиками» режима (Х. Фрайер, М. Хайдеггер, К. Шмитт, Э. фон Заломон, О. Шпанн и др.), симпатизируя которому, даже вступали в НСДАП, хотя вскоре отношения многих из них с новыми хозяевами Германии ухудшились. Другие, как, например, Э. Юнгер, Ф. Хильшер или близкий к «консервативной революции» Г. Бенн, ушли во «внутреннюю эмиграцию», несмотря на то что по тем или иным причинам надели военную форму. Но были и такие, кто открыто выступил против установившегося режима, а некоторые, в частности консервативный мыслитель Э.Ю. Юнг, даже поплатились за это жизнью. К числу не принявших национал-социалистическую революцию обычно относят и Освальда Шпенглера – великого мыслителя и духовного отца «консервативной революции».

Безусловно, вопрос отношений интеллектуальной элиты Германии и нацистов до сих пор крайне политизирован, и отмежевание Шпенглера от национал-социалистов по понятным причинам дает больше возможностей заниматься изучением его наследия. Однако было ли так на самом деле? Если да, то что именно оттолкнуло Шпенглера от национальной революции, которую он, по его же выражению, желал больше всех остальных [18, S. VII]? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, во-первых, рассмотреть политико-философские построения Шпенглера, ретроспективно сравнивая их с нацистской внутренней и внешней политикой, проводя параллели и выделяя различия. Во-вторых, следует восстановить историю контактов философа с представителями режима и определить причины и степень неприятия Шпенглером действий новой власти.

Прежде всего отметим, что Шпенглер не являлся типичным представителем «консервативной революции». Родившись в 1880 г., он уже не мог быть причислен к поколению, чья юность пришлась на «стальные грозы» Первой мировой войны. Военный опыт у Шпенглера отсутствовал, он всегда старался избегать любой социальной активности,

предпочитая наблюдать и описывать процессы отстраненно. Не питая больших симпатий к университетской системе и академической науке в целом, Шпенглер дважды (в 1919 и 1933 гг.) отклонял приглашения университетов Геттингена и Лейпцига соответственно [11, с. 92].

Одним из главных (если не самым главным) идеологических пунктов «консервативной революции» был так называемый национальный, или прусский, социализм, концепция которого детально разработана в главной работе Шпенглера «Пруссачество и социализм» (1919). Однако было бы неправильно искать здесь какой-либо в привычном смысле этого слова социалистический подтекст. Шпенглер оставался чуть ли не единственным среди своих единомышленников, кто ни в какой форме не заигрывал с большевизмом. Опыт Октябрьской революции его никак не воодушевлял. Большевистскую революцию он расценивал исключительно как триумф черни и возвращение России в Азию [18, S. 43].

Практически все исследователи [2, с. 165; 4, с. 34; 7, с. 414 и др.] признают отсутствие у Шпенглера экономической трактовки социализма. Он писал о необходимости сохранения института частной собственности и наемного труда, а любой экономический коллективизм высмеивал как уравнилельный порыв черни [13, с. 209]. Философ категорически отвергал экономическую трактовку социализма, наполняя последний этическим содержанием [9, с. 611]. Шпенглер не раз уделял внимание этому вопросу в своем эссе «Годы решений» (1933), где говорил о неверном понимании написанного в «Пруссачестве и социализме» [18, S. 102] и весьма жестко отзывался об уравнилельных требованиях ряда «национальных революционеров» [Там же, S. 73]. В этом можно увидеть опасения большевизации национальной революции (через деятельность левого крыла нацистов в лице Г. Штрассера, который активно использовал идеологемы (исказив их) Шпенглера) [7, с. 416], что было весьма вероятно в первый год нахождения НСДАП у власти. Шпенглер очень опасался пролетаризации нации, экономического уравнилельния и «недостатка уважения к собственности» [18, S. 133], однако после уничтожения левого крыла партии летом 1934 г. и начала нацистской программы приватизации эта угроза, по сути, отпала.

Прусский социализм, о котором Шпенглер пространно писал в своих работах, является «социализмом долга», служением целому, высшей идее, социализмом целого государства, нации, но никак не одного класса [13, с. 43–70]. Производственные отношения, с его точки зрения, должны быть основаны на принципах иерархии и профессиональной чести, где рабочий и организатор, а также хозяин производства исполняют свой долг, трудясь в отведенной каждому нише [12, с. 82–84].

В этом, а также в идее ведения (Führung) производства как квазигосударства Шпенглер очень близок к экономическому принципу «фюрерства» немецкого экономиста и социолога В. Зомбарта, что достаточно в полной мере реализовывалось в годы существования Третьего рейха. Более того, Шпенглер резко критикует даже частичное экономическое усреднение с помощью фискальной политики, именуя это «налоговым большевизмом» [12, с. 116].

Как отмечает отечественный философ и комментатор творчества Шпенглера А.М. Руткевич, социализм у Шпенглера вплетен в общую картину эпохи цезаризма, куда вступает западный мир, как орудие воли к власти [8, с. 188]. «Социализм означает власть, власть и снова власть», – пишет немецкий мыслитель на последней странице «Пруссачества и социализма» [13, с. 157]. Фигура вождя является центральной политической силой в эпоху цезаризма. Вокруг нее должна быть объединена вся остальная нация: именно сильная личность вершит судьбы мира в XX в. [12, с. 142]. Любой демократизм, либерализм и парламентаризм критиковались Шпенглером как упадочные и чуждые прусскому духу организации государства [10, с. 124]. Помимо прочего, современный политик должен пользоваться всеми доступными политическими средствами, среди которых мыслитель особо выделял выборы и прессу [4, с. 79]. Однако массы, по мнению Шпенглера, могут быть лишь объектом, инструментом творения со стороны великого государственного мужа, но никак не его нанимателями или легитимирующим источником власти [18, S. 129]. Безусловно, говорить, что Шпенглер теоретически обосновал принцип т.н. Führer-Staat, нельзя, однако и отрицать концептуальную схожесть с принципами вождизма в Третьем рейхе было бы неверно.

Отчасти идейное родство с национал-социализмом обнаруживается в неразрывной с социализмом орденской идее (от которой Шпенглер позже отдалился в пользу признания необходимости вождистской диктатуры), корни чего Шпенглер находил еще в этосе государства Тевтонского ордена. На этом же принципе выстраивалось орденское «государство в государстве» под эгидой СС, где фундаментальную роль играли именно апелляции к образам Тевтонского ордена [14, ч. 2, гл. 6], а потенциальные бюрократическая и военная элиты возвращались «Черным орденом», не сильно противореча размышлениям Шпенглера на этот счет [12, с. 8, 52–56]. «Депролетаризация» рабочего, его разворот от классовых интересов к интересам национальным (необходимость чего также отмечал Шпенглер), резкое противопоставление его пролетарию [Там же, с. 127; 18, S. 86–87] были также полностью реализованы в годы нацистской диктатуры.

Как и национал-социалисты, Шпенглер подчинял экономику политике [12, с. 131]. Он считал, что внутренняя политика должна служить геополитическим интересам государства [18, S. 24], воспевал величие войны как высшую форму бытия человека [13, с. 85]. В своем обращении к немецкой молодежи 26 февраля 1924 г. в Вюрцбурге Шпенглер взывал не к романтизации политики, а к жестким и прагматичным действиям, чего, по его мнению, так и не было сделано к осени 1932 г. [19, S. 10]. Там же, говоря о том, что немцы уже не являются хозяевами в своей собственной стране, отдав ее на откуп либералам и демократам, он призывал новое поколение взять судьбу нации в свои руки, обращая особое внимание не столько на формы, какие примет новое государство, сколько на то, что последует за принятием этих форм вовне, т.е. во внешней политике [Там же, S. 156]. Еще более громко Шпенглер в работе «Годы решений» требует участия Германии в мировой политике с целью достижения господства и могущества [18, S. 57]. Предвидя судьбоносность грядущих десятилетий, уже после прихода Гитлера к власти философ делает заключение о необходимости отказа от всех «общечеловеческих ценностей», об уже начавшейся борьбе за господство над миром, о скором наступлении «цветной» революции (т.е. не западной по расово-культурному принципу; «белая» революция, в свою очередь, подразумевающая восстание низших слоев западного общества, по мнению Шпенглера, уже происходит) [Там же, S. 163–165].

Исходя из вышесказанного, логично было бы заключить, что немецкому мыслителю было по пути с национал-социалистами – слишком много у них было общего, слишком незначительны у них были разногласия. Однако Шпенглер не вступил в партию и не участвовал в мероприятиях новой власти, несмотря на несколько приглашений.

Бытует мнение, особенно в современной отечественной историографии, что Шпенглер абсолютно не принял новый режим, став его скрытым, но бескомпромиссным противником [1, с. 397; 4, с. 31; 7, с. 525]. Многие авторы отмечают личную антипатию философа к Гитлеру [1, с. 397; 4, с. 106], что, однако, входит в противоречие с тем, что Шпенглер после личной встречи с фюрером 25 июля 1933 г. в целом остался доволен беседой и даже подарил новому вождю нации экземпляр книги «Годы решений», изначальное название которой («Германия в опасности») Шпенглер изменил после прихода к власти НСДАП, чтобы избежать понимания, будто опасность связана с захватом власти нацистами [18, S. XI]. Как отмечала позже в своих дневниках сестра философа, Шпенглер впоследствии с благосклонностью отзывался как о самой встрече, так и лично о Гитлере [5, с. 52]. Также ошибочно трактовать слова «верные мысли гипертрофируются фанатиками

до абсурда» в качестве доказательства разрыва философа с новым режимом, как это делает отечественный исследователь консервативной революции С.В. Артамошин [1, с. 397]. Уже из следующего предложения текста становится ясно, что Шпенглер лишь предупреждал о наличии такой угрозы, желая заблаговременно указать на это власть имущим [18, S. IX].

А.М. Руткевич утверждает, что симпатия в этих отношениях была односторонней – только со стороны режима, но вскоре и от этого ничего не осталось из-за культурпессимизма Шпенглера, который шел вразрез с мифически-помпезной риторикой нацистов [8, с. 188]. Это мнение также стоит подвергнуть сомнению, поскольку известно, что мыслитель приветствовал «национальный переворот» 1933 г. [18, S. VII], а также имел с первыми лицами государства контакты, в которых всегда оставлял место для своего прямого участия в политике нацистов [5, с. 50].

Безусловно, указания исследователей на различное понимание «расового вопроса» Шпенглером и национал-социалистами верны [4, с. 106; 6, с. 151], однако это вряд ли могло послужить причиной резкого неприятия философом новой власти – антикоммунистические и антидемократические акции, антисемитская пропаганда, сожжение упадочной литературы на площадях, запрет всех партий, кроме НСДАП, – от всех этих событий он никогда не дистанцировался, ограничиваясь лишь указаниями на то, что есть вещи и поважнее еврейских погромов [5, с. 49]. Как это ни парадоксально, но Шпенглера, уже подвергнувшегося критике со стороны партийных функционеров, обвиняли, как и в годы Веймара [7, с. 420], за «биологизацию» истории [16], хотя более «биологический» подход к пониманию расы был как раз у представителей генеральной линии, что не исключало при этом крайнюю схожесть их взглядов, к примеру, на демографический вопрос [4, с. 80–82].

Часто среди прочего указывают и на нежелание Шпенглера принимать участие в «Дне Потсдама» – торжественной церемонии, организованной национал-социалистами и состоявшейся 21 марта 1933 г. в Потсдаме по случаю созыва нового рейхстага, и на отказ философа от профессорского места в университете Лейпцига [3, с. 152; 5, с. 51], что соответствует действительности. Получив телеграмму от министра народного просвещения и пропаганды Й. Геббельса с просьбой выступить на радио с речью по случаю празднования «Дня Потсдама», Шпенглер, серьезно обдумав это предложение, ответил вежливым отказом без объяснения причин, хотя их общение с Й. Геббельсом на этом не закончилось. Причина же отказа от должности декана философского факультета университета Лейпцига состояла, по словам Шпенглера, в том, что он всегда работал один и уже отказывался от подобного предложения

ранее [5, с. 51], хотя истинная причина заключалась скорее в его абсолютном неприятии академической науки.

Несостоятельными, с нашей точки зрения, выглядят аргументы ряда историков, сводящиеся к отрицанию политического ядра философии Шпенглера [10, с. 135], а также пассажи В.В. Афанасьева (чья работа подвергается серьезной критике [6, с. 101]) о том, что Шпенглер принадлежал к «аристократическому, а не к радикальному крылу немецкой консервативной партии» [4, с. 94]. Во-первых, подобное политическое ранжирование едва ли отражает действительность Веймарской республики, а во-вторых, сходство сути и идей «консервативной революции», духовным отцом которой был Шпенглер, и национал-социализма было бы странно отрицать [5, с. 46; 10, с. 119]. Еще более странным видится указание В.В. Афанасьева на неприятие философом захвата власти нацистами в 1933 г. [4, с. 104]. Даже склонные к противопоставлению Шпенглера и нового режима авторы признают одобрение мыслителем захвата власти, однако справедливо указывают на то, что Шпенглер видел в этом не победу, а только начало пути к ней [3, с. 153].

Шпенглер в целом поддерживал Гитлера, что проявилось и в том, что он, вывесив из окна флаг со свастикой в день выборов, отдал свой голос 5 марта 1933 г. НСДАП [5, с. 50]. В то же время его отталкивала массовость движения, в которой он усматривал тающую угрозу власти толпы [10, с. 131]. В декабре 1933 г. Шпенглер безуспешно попытался добиться еще одной встречи с Гитлером, на которого мрачное впечатление произвела последняя работа философа, что, по всей видимости, и оттолкнуло фюрера [5, с. 52–58]. Все это происходило на фоне начавшейся в партийных СМИ травли философа, которая вскоре завершилась запретом со стороны Геббельса упоминать имя Шпенглера в периодической печати. Философ А. Боймлер в своих статьях «Революция, увиденная издалека» [15] и «Шпенглер и национал-социализм» [16], хотя и признавал роль и заслуги последнего в подготовке национальной революции, но при этом критиковал его за нынешние заблуждения касательно расового вопроса, за нападки на рабочего, ставил в вину недооценку фюрера, культурпессимизм и непонимание важности твердого социально-экономического фундамента внутри страны для активной политики вовне. Менее пространно, но концептуально схоже критиковали Шпенглера А. Цвейнингер, Й. фон Леерс и другие представители режима [5, с. 55].

В ноябре 1933 г. состоялись последние контакты философа с Геббельсом на предмет сотрудничества. Отвергнув участие в предвыборной кампании, Шпенглер, однако, выступил с предложением написать статью на тему выхода Германии из Лиги Наций, потребовав, в свою

очередь, прекратить на него нападки в прессе, которые были, по его заверению, лично ему безразличны, но являлись помехой для авторитетности им написанного. В том же письме Геббельсу Шпенглер, сославшись на летнюю беседу с Гитлером в Байройте, подчеркивал, что разделяет убеждение рейхсканцлера о необходимости привлечения непартийных людей к политике, и просил Геббельса о личной встрече [5, с. 53]. Однако по не до конца понятным причинам эта инициатива была оставлена министром без внимания, как и попытка мыслителя добиться аудиенции у фюрера в декабре того же года.

Последнее, что сделал философ, прежде чем удалиться от политики, было написание небольшого памфлета «Германия, моя Германия, ты не должна погибнуть», в котором он, беспокоясь о судьбах родины, критикует режим за излишнее внимание к поверхностным, по его мнению, вопросам изгнания евреев из экономики и пышного церемониала празднеств, а Гитлера предостерегает от неопытных и безответственных советников и недостаточного внимания к «духовным силам Германии» [Там же, с. 58]. События «Ночи длинных ножей» окончательно развеяли иллюзии Шпенглера о его потенциальной роли при новой власти. После этого он добавил в свою последнюю политическую работу лишь несколько строк, в которых выразил разочарование в происходящем и заявил об отсутствии у него желания играть дальше какую-либо роль в общественной жизни [Там же, с. 59].

Подводя итог, следует обозначить ряд принципиальных выводов как содержательного, так и историографического характера. Во-первых, необходимо в целом признать как духовное, так и политическое родство политической философии Шпенглера и национал-социализма, что вовсе не накладывает на первого полную ответственность за второе. Духовные предпосылки немецкой революции (т.е. правого революционного движения в целом) были созданы вне нацизма, как писал об этом в 1932 г. Э. Юнгер [7, с. 520]. Во-вторых, при детальном разборе основных политико-философских построений Шпенглера стоит признать их близость (в большинстве своем) к идеологии нацизма. Поэтому следует согласиться с тезисами Д. Фелькена и О. Терехова об эволюции умеренно национал-консервативной мысли Шпенглера в сторону радикальной национал-социалистической [9, с. 616; 10, с. 126], что и привело в итоге к довольно активным контактам с новой властью на протяжении всего 1933 г. Но у философа на этот счет были и свои опасения.

Шпенглер, безусловно, заметно выделялся из ряда представителей «консервативной революции» еще и тем, что ни в каком виде не принимал большевизм. В связи с этим его очень настораживали социалистические лозунги и перспективы нацистов, однако «левый» путь

нацизма был уничтожен вместе с Э. Ремом и Г. Штрассером летом 1934 г. Можно ли говорить о том, что Шпенглер критиковал нацистов именно за массовость как таковую? Такой проницательный мыслитель, как он, должен был понимать (и, скорее всего, понимал), что массы являются неотъемлемой частью политической жизни XX в. – столетия цезаризма, говоря его же языком. Как было показано выше, в подобную эпоху массы выступают инструментом и объектом для «цезарей», что и происходило в Третьем рейхе.

Однако больше всего Шпенглера отпугивал не оголтелый антисемитизм нацистов и уж тем более не милитаризм и тоталитарный характер нового режима, а главным образом то, что они «мобилизацию путают с победой» [18, S. IX]. Философ желал видеть не массовые празднования и триумфальные парады – ведь настоящей победы еще не было. Как заявлял сам Шпенглер в июле 1933 г., он желал воздерживаться от любой оценки происходящего, т.к. вещи подобного масштаба можно оценивать лишь спустя значительное время [Там же, S. VIII], однако его критика была безжалостна. С другой стороны, сложно представить, и Шпенглер не мог этого не понимать, как можно строить идеологию и государственную политику на основе культурпессимизма, известным символом которого стал образ римского солдата, созданный Шпенглером на страницах его работы «Человек и техника» как олицетворение достойного конца цивилизации [17, S. 88–89]. Этого воззрения нацизм не разделял, а вынесение подобного лозунга в качестве обозначения важной части идеологии означало бы политическое самоубийство в измученной невзгодами Веймарской Германии.

Шпенглер желал видеть в политике холодную четкость, продуманность политических шагов, отсутствие какого-либо политического идеализма и романтизма, активные претензии Германии на ведущую роль в мировой политике. И, надо сказать, умерший 8 мая 1936 г. философ обязательно увидел бы если не всё, то уж точно большую часть этого, проживи он несколькими годами дольше. Ужаснуло бы его это будущее или же, наоборот, порадовало – вопрос риторический.

Вся сложность и многогранность отношений Шпенглера и новой власти наилучшим образом освещена в исследованиях О.Э. Терехова и Р.Е. Гергилова, хотя этот вопрос, как и многие другие, безусловно, требует дальнейшего тщательного исследования. Исходя из вышеперечисленной фактологии, можно лишь заключить, что до 1934 г. предпринимались попытки наладить контакт с обеих сторон, и первыми, скорее всего, сожгли все мосты национал-социалисты, а не мыслитель. События же 30 июня 1934 г. окончательно расставили для Шпенглера все точки над «и».

Библиографический список / References

1. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб., 2018. [Artamoshin S.V. Konservativnaya revolyutsiya v intellektualnom prostranstve Vejmarskoj respubliki [Conservative revolution in the intellectual space of the Weimar Republic]. St. Petersburg, 2018.]
2. Артамошин С.В. Немецкий социализм в консервативной оправе: Освальд Шпенглер и Эрнст Юнгер // Межвузовский сборник научных трудов. № 16. Брянск, 2007. С. 158–171. [Artamoshin S.V. German socialism in a conservative frame: Oswald Spengler and Ernst Junger. *Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. No. 16. Bryansk, 2007. Pp. 158–171. (In Russ.)]
3. Артамошин С.В. О. Шпенглер и консервативная революция в Германии // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 148–154. [Artamoshin S.V. Spengler and the conservative revolution in Germany. *Voprosy istorii*. 2009. No. 6. Pp. 148–154. (In Russ.)]
4. Афанасьев В.В. Политическая философия Освальда Шпенглера. М., 2003. [Afanasyev V.V. Politicheskaya filosofiya Osvalda Spenglera [Political philosophy of Oswald Spengler]. Moscow, 2003.]
5. Гергилов Р.Е. О. Шпенглер и Третий рейх // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 45–60. [Gergilov R.E. Oswald Spengler and the Third Reich]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 2007. № 1 (15). Pp. 45–60. (In Russ.)]
6. Медоваров М.В. Двойной лик Освальда Шпенглера и его переводчиков // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2015. № 3 (4). С. 97–101. [Medovarov M.V. The double face of Oswald Spengler and his translators. *Istoricheskaya ekspertiza. Zhurnal retsenzij*. 2015. No. 3 (4). Pp. 97–101. (In Russ.)]
7. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб., 2011. [Plenkov O.Yu. Triumf mifa nad razumom (nemetskaya istoriya i katastrofa 1933 goda) [The triumph of myth over mind (German history and the catastrophe of 1933)]. St. Petersburg, 2011.]
8. Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М., 2002. С. 187–228. [Rutkevich A.M. Prussian socialism and the conservative revolution. *Spengler O. Prussachestvo i socialism*. G.D. Gurchich (transl. from German). Moscow, 2002. Pp. 187–228. (In Russ.)]
9. Терехов О.Э. Концепция «пруссского социализма» О. Шпенглера // Политическое насилие в исторической памяти Германии и России: Сб. научных статей. Кемерово, 2007. С. 610–617 [Terekhov O.E. The concept of “Prussian socialism” by O. Spengler. *Politicheskoe nasilie v istoricheskoy pamyati Germanii i Rossii*. Kemerovo, 2007. Pp. 610–617. (In Russ.)]
10. Терехов О.Э. Освальд Шпенглер и «консервативная революция» в историографии ФРГ // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 34. М., 2011. С. 118–137. [Terekhov O.E. Oswald Spengler and the “Conservative revolution” in German historiography. *Dialog so vremenem. Almanax intellektualnoj istorii*. No. 34. Moscow, 2011. Pp. 118–137. (In Russ.)]
11. Тесля А.А. Записки выброшенного на берег // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2015. № 3 (4). С. 92–96. [Teslya A.A. Notes of a beached

- man. *Istoricheskaya ekspertiza. Zhurnal recenzij*. 2015. No. 3 (4). Pp. 92–96. (In Russ.)]
12. Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха / Пер. с нем. А.В. Перцева и Ю.Ю. Коринца, послесл. А.В. Перцева. СПб., 2015. [Spengler O. Vossozdanie Germanskogo rejxa [The recreation of the German Reich]. A.V. Pertsev, Yu.Yu. Korinets (transl. from German). St. Petersburg, 2015.]
 13. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М., 2002. [Spengler O. Prussachestvo i socializm [Prussianism and Socialism]. G.D. Gurvich (transl. from German). Moscow, 2002.]
 14. Эвола Ю. Фашизм: критика справа / Пер. с ит. В.В. Ванюшкиной. М., 2005. [Evola J. Fashizm: kritika sprava [Il Fascismo. Saggio di una Analisi Critica dal Punto di Vista della Destra]. V.V. Vanyushkina (transl. from Italian). Moscow, 2005.]
 15. Baeumler A. Revolution – von ferne gesehen. *Völkischer Beobachter*. Nr. 243. 31.08. 1933.
 16. Baeumler A. Spengler und der Nationalsozialismus. *Völkischer Beobachter*. Nr. 335. 01.12.1933.
 17. Spengler O. Der Mensch und die Technik. Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. München, 1931.
 18. Spengler O. Jahre der Entscheidung. Erster Teil. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1933.
 19. Spengler O. Politische Pflichten der deutschen Jugend. *Politische Schriften*. München, 1934. S. 127–156.

Статья поступила в редакцию 20.09.2020, принята к публикации 21.11.2020
The article was received on 20.09.2020, accepted for publication 21.11.2020

Сведения об авторе / About the author

Фомичев Филипп Михайлович – студент исторического факультета Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Filipp M. Fomichev – student at the Faculty of History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: Philip.fomichev@gmail.com